

С. Г. Кузьмина

**КОГНИТИВНО-РЕЧЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ
АВТОРА МНЕМОНИЧЕСКОГО ТЕКСТА**

12

Рассматриваются различные аспекты творческой личности автора мнемонического текста, представленные в понятии когнитивно-речевого субъекта; устанавливаются отличительные особенности познающей, коммуникативной, дискурсивной, языковой личности и способы их текстовой актуализации на примере мемуаров литовского писателя Б. Сруоги – «*Dievų miškas*». Вводится понятие мнемонического дискурса, объединяющего тексты с общей ментально-психологической основой воспоминания, системой типологических признаков и сходными стилистическими чертами. Обосновывается взаимодействие научно-исторического и художественного дискурсов при создании мнемонического текста. Обращается внимание на важность текстовой репрезентации национально-культурного компонента языковой картины мира мнемонического автора для его самовыражения как главной стратегической задачи литературы воспоминаний.

The focus of the article is on various aspects of the creative identity of an author of a mnemonic text represented by the concept of cognitive and communicative subject. The features of the author's cognitive, communicative, discursive, and linguistic identities are described and the ways of their representation are shown in the case of the memoirs of the Lithuanian writer B. Sruoga Dievų miškas. The term 'mnemonic discourse' is introduced as a linguistic phenomenon connecting texts with the general mental and psychological framework of reminiscence and the system of typological signs and similar stylistic features. The interaction between scientific, historical, and art discourses associated with the creation of a mnemonic text is described. The author pays attention to the textual representation of the national and cultural components of mnemonic authors' linguistic pictures of the world as a crucial component of their self-expression – the main purpose of memoirs.

Ключевые слова: мнемонический текст, мнемонический дискурс, когнитивно-речевой субъект, интердискурсивное взаимодействие, языковая картина мира.

Key words: mnemonic text, mnemonic discourse, cognitive and communicative subject, interdiscourse interaction, linguistic picture of the world.

Мнемоническим текстом, исходя из значения греческого слова «память», называют речевое произведение, построенное автором на ментальной реконструкции своего прошлого [7; 8]. Несмотря на то что в отечественной и зарубежной филологии существует множество исследований литературы воспоминаний, подчеркивающих, прежде всего, неоднородность и многообразие мемуарных жанров, актуальной остается проблема установления типологических признаков, позволяющих объединить их в особый тип дискурса, — мнемонический.

В основе современных дискуссий о тексте и дискурсе лежит осмысление того факта, что системное представление как о процессах создания и рецепции текста, так и о его сущностных свойствах можно получить только при учете главенствующей роли субъекта (автора и читателя) во всем многообразии его характеристик: когнитивных, психологических, социальных, идеологических, этнокультурных и др. Как коммуникативное событие, порождающее текст, дискурс соотносится, во-первых, «с определенной ментальной сферой / определенными знаниями и, во-вторых, с конкретными моделями — образцами, прототипами текстопорождения и восприятия» [12, с. 34]. Общность речевых структур языковых элементов и стилевых черт, характерная для текстов, принадлежащих одному типу дискурса, детерминируется общностью авторских стратегий (когнитивных и коммуникативных) и способов их текстовой реализации, которая и представляет собой определенную модель порождения / восприятия текста.

Отличительные признаки литературы воспоминаний обусловлены, в первую очередь, особенностями мнемонического автора как «когнитивно-речевого субъекта» [10; 11]. В понятии когнитивно-речевого субъекта интегрируются различные аспекты творческой личности автора мемуаров. Он предстает здесь как личность познающая, коммуникативная, дискурсивная [5] и языковая [4].

Познавательная деятельность создателя мнемонического текста, включающая когнитивные стратегии накопления и переработки информации, заключается в сопоставлении, оценке и проверке этой информации. Она обусловлена стремлением к возможно более точному отражению лично пережитых автором событий и направлена на самопознание, самоанализ и самовыражение в процессе их осмысления и последующего изображения. Самовыражение предполагает выдвижение себя в качестве объекта для другого и для себя самого [1, с. 289], а самопознание и самоанализ — выражение оценочного отношения к себе как познаваемому объекту, который включается в систему действующих лиц мнемонического текста в качестве я-персонажа, автобиографического героя. Единством трех ипостасей автора — субъекта, объекта и персонажа — объясняется наличие одного сознания и одного чувственно-эмоционального опыта в текстах мнемонического дискурса, чем и обусловлен такой их концептуальный признак, как абсолютный эгоцентризм [7, с. 16–17].

«Как объект изображения автор стремится к точности, достоверности и правдивости, которые являются желаемой, но не всегда достигаемой целью изображаемого» [8, с. 21]. Как субъект познания и субъект повествования он соединяет аутентичность с вымыслом, анализирует и критикует, дает интерпретацию событий своего прошлого. Кроме того, познающая личность вспоминающего «Я» всегда соотносится с определенным историческим и этнокультурным контекстом. Все это обуславливает естественный синтез исторической и личностной правды, с которого начинается литературное творчество, ведущее, по словам А. В. Остроумовой, к творческому «самосозиданию» изображенного авторского «Я» [9, с. 185].

Как дискурсивная личность автор мемуаров должен обладать совокупностью знаний и навыков, обеспечивающих создание текста, не нарушающего норм текстообразования, сложившихся в мнемоническом типе дискурса на основе коллективного опыта многих поколений.

К таким нормам текстообразования в мемуарной литературе относится синтез аутентичных и фикциональных элементов, происходящий в результате взаимодействия научно-исторического и художественного дискурсов. Проявление научно-исторического дискурса — документальность мемуарной литературы, определяемая референциальной соотносительностью мнемонического текста с реальными людьми и конкретными событиями, имевшими место в реальном мире в определенный исторический период. Средствами актуализации признака документальности выступают даты реальных событий, топонимы реальных мест, имена собственные реальных лиц, цитаты из реальных документов или информационных сообщений.

Кроме того, в мнемоническом тексте отсутствуют вымышленные фигуры персонажей и нарратора, которого автор эпического текста создает для ведения художественного повествования. В субъектно-речевой структуре мемуарного текста автор как реальная историческая личность проецируется в качестве субъекта и мнемонического повествования, и речи в изображаемом мире. Степень вовлеченности я-персонажа в изображаемый мир прошлого зависит от принадлежности мнемонического текста либо к историографическим, либо к автобиографическим мемуарам [2, с. 6–7].

Мемуарными персонажами выступают также другие реальные лица, ставшие участниками тех событий, которые описываются в мнемоническом тексте. Их высказывания воспроизводятся автором по памяти отдельными словами, фразами или целыми монологами и включаются в мнемоническое повествование как прямая / непрямая цитация или в виде разговорных диалогов с разным графическим оформлением. Если прямая речь персонажей в художественном тексте — авторская репродукция устной речи, то диалоги персонажей в мнемоническом тексте следует рассматривать как реконструкцию высказываний, реально произнесенных реальными людьми. Диалогическим репликам персонажей автобиографического мира свойственны все признаки устной речи с ее краткостью, эмоциональностью, непредсказуемостью, что находит выражение в употреблении восклицательных и вопросительных предложений, междометий, эллиптических структур, повторов, эмфатического порядка слов.

Обратимся к примерам из мемуаров литовского писателя, публициста, переводчика и философа Балиса Сруоги «Dievų miškas» [13], в которых представлены его воспоминания о том, что он пережил в 1943 году, будучи узником концлагеря Штутгоф.

(1) *Kvailybių, esą, jau pakankamai pridarėme praėityje, – dabar metas, esą, būtį ir prablaivėti. Ne laikas, esą, skaičiuoti, kas kam kada kiek bloga buvo padaręs,*

bet, esą, būtiniausias reikalas, kad vieni kitiem padėtųumėm¹. Lenkai, esą, patys uždušę, o kas ką pjovēs – tai dar didelis klausimas. Kaip tenai iš tikrųjų buvo, sunku pasakyti².

(2) *Gaunerwort! – kalbėjo Zelonkė, – vokiečiai karą jau prakišo, amerikiečiai bombina totsicher – mirtinai tiksliai³.*

– *Esą, atvykstą lietuviai inteligentai... Jie iki šiol buvo vokiečiam paklusnūs... Staiga sumanę nebeklausyti... Vokiečių valdžia nutarusi juos šiek tiek pamokyti... Atsiuntusi juos į lagerį...*

Visa toji paskala normalia lagerio kalba reiškė: pliekite lietuviams į kailį, kiek tik lenda. Kiek jūs jų nudobsite – jūsų reikalus: nieko jums už tai nebus⁴.

В речи персонажа из примеров (1) выражается его отношение к полякам – узникам концлагеря. На непрямую цитацию указывает многократное употребление в интерпозиции предложений слова *esą* – характерного сигнала чужой речи в разговорном дискурсе. Примеры (2) представляют прямую речь и диалогическую реплику с последующим авторским комментарием. Комментирующие вставки – одна из доминантных стилевых черт мнемонического текста, в которых прошлый опыт обобщается и оценивается автором в сегодняшнем осмыслении.

Для выражения авторских смысловых позиций в прямую речь персонажей мемуарного текста Б. Сруоги включается бранная лексика на языке народа, к которому принадлежит субъект речи. Это позволяет дать отрицательную характеристику говорящему лицу или выразить его негативное отношение к представителям других национальностей:

Lagerio viršininkas rėkia į tai: «Sauhund! Scheisse!»⁵

Kur buvo tavo Ukraina, psiakrew, prieš karą?⁶

Jūs, lietuviai, psiakrew, pagrobėt iš mūsų Vilnių!⁷

С художественным дискурсом мемуарную литературу сближают также такие черты, как стратегическая направленность на самовыражение автора, абсолютный антропоцентризм, субъективность, оценочность, эмоциональность. Кроме того, в определенной мере мнемоническому тексту присуща и фикциональность, продиктованная избирательным характером памяти, ее неточностью и результатом творческой деятельности автора по преобразованию реальных фактов и событий в

¹ Довольно глупостей, мол, сделано в прошлом – сейчас, мол, пора протрезветь. Не время, мол, считать, кто кому сколько плохого сделал. Самое главное, мол, помогать друг другу (здесь и далее перевод С. Г. Кузьминой. – С. К.).

² Поляки, мол, сами задохнулись, а кто кого зарезал – это еще большой вопрос. Как на самом деле было, трудно сказать.

³ Gaunerwort! – сказал Зеленке. – Немцы войну проиграли: американцы бомбят навекрыяка – смертельно точно.

⁴ – Говорят, литовцы приезжают... Раньше они немцев слушались... А потом перестали... Немецкое правительство решило их немного проучить... Послав в лагерь...

На нормальном лагерном языке это означало: дерите с литовцев шкуру, как можете. Замоchte кого – ваше дело, ничего вам за это не будет.

⁵ Начальник лагеря крикнул на то: «Sauhund! Scheisse!»

⁶ Где была твоя Украина до войны, собачья ты кровь?

⁷ Вы, литовцы, кровь собачья, из нашей Вильны взялись!

словесную форму [8, с. 24–25]. Там, где происходит выбор и аранжировка эпизодов пережитого прошлого, начинается вымысел, и «мнемонический автор становится субъективно-тенденциозным центром организации знания о самом себе» [6, с. 72].

Наибольшую близость мнемонический текст обнаруживает с художественным повествованием от первого лица, поскольку оба типа текста являются эгоцентрическими. В их фокусе находится «Я» рассказчика и персонажа, обуславливающее пространственно-временные и психологические параметры изображаемого мира. В художественном повествовании это «Я» — вымышленное, а в мнемоническом повествовании — текстовая проекция реального автора.

16

Как когнитивно-речевой субъект автор мемуаров стоит на пересечении мира прошлого и мира настоящего. Поэтому к нормам текстообразования в мнемоническом дискурсе относится также текстовая репрезентация соотношения авторского сознания в этих двух мирах, требующая осуществления ментальных действий по извлечению из памяти информации о прошлом и ее оценивания с позиции настоящего времени, когда создается мемуарный текст. Когнитивное взаимодействие прошлого и настоящего в деятельности мнемонического автора отражается в динамике глагольных времен и употреблении лексем знания, мнения, предположения, уверенности, сомнения, аксиологической оценки, эмоционального состояния, которые обеспечивают постоянное ментальное присутствие вспоминающего субъекта в создаваемом тексте. Ср.:

Netenka stebėtis, kad į trečią dieną po mūsų atvykimo į lagerį vienas iš mūsų, fiziškai pats stipriausias, milžinas sportininkas, jau gulėjo vidury gatvės su praskelta galva⁸.

Mum kartais atrodydavo, kad yra susidaręs kažkoks komitetas, kuris mumis rūpinasi⁹.

Visiškai nežinia, kaip valdžia būtų iš tokios bėdos išbridusi, jeigu Vaciaus nebūtų buvę pasaulyje¹⁰.

Воспоминания личности тесно связаны с гносеологическим понятием «картина мира», формирующимся в сознании как результат усвоения социальных и исторических знаний, генерирующихся культурой и охватывающих как универсальные, так и национальные представления, явления определенного ареала и времени. Совокупность сведений о мире, которая активизируется с помощью языка, механизмов вербализации, хранится и передается от поколения к поколению с помощью вербального кода, принято называть языковой картиной мира.

Структура личности мнемонического автора, как и любого человека, предполагает отражение индивидуального и коллективного в язы-

⁸ Нечего и удивляться, что на третий день по прибытии в лагерь один из нас, физически самый сильный, матерый спортсмен, уже валялся посреди улицы с проломленной головой.

⁹ Нам иногда казалось, что существует какой-то комитет, который заботится о нас.

¹⁰ Никто не знает, что бы делало начальство в такой тяжелой ситуации, если бы в мире не было Вацка.

ковой картине мира. Индивидуальный уровень языковой личности отражает степень обыденного владения языком, второй уровень, называемый Ю. Н. Карауловым лингво-когнитивным, отражает тезаурусные особенности личности в языковой картине мира, к которым относится совокупность знаний конкретной исторической эпохи [4, с. 42, 53]. В языковой картине мира всегда присутствует закрепленный в сознании колорит национальной культуры. Мнемонический текст содержит интертекстуальные включения, в которых находит отражение когнитивное взаимодействие автора с семиотическим пространством мировой и национальной культуры изображаемого исторического периода. При этом актуализацию часто получают такие национально-культурные элементы языковой картины мира, как народные мифы, сказки и пословицы, стихи и песни, культурно-этнические реалии социальной и психофизической деятельности человека, национально окрашенные топонимы и антропонимы, имена известных в национальной среде лиц из разных областей и др.

17□

В национально-культурном компоненте языковой картины мира представлены также знания о межкультурном и межнациональном взаимодействии людей. Во все времена человек в большей или меньшей степени сталкивался с проблемой этнокультурных различий, что привело к формированию в его менталитете интереса к представителям других национальных групп и системе их ценностей. Проблемы межкультурного диалога — одна из популярных тем народного творчества и современных научных изысканий. Литература воспоминаний не исключение. В акте мнемонической коммуникации автор автоматически актуализирует особенности менталитета своего народа. Например:

Jaunimas bausmių nenusigąsta. Jaunimas į SS neina. Jaunimas traukia: «Tu girele, tu žalioji...». Jaunimas traukia į žaliąją girelę¹¹.

В данном отрывке Б. Сруога рассказывает о вербовке литовской молодежи в ряды СС. В использованном отрывке песни и эвфемизме *Jaunimas traukia į žaliąją girelę* имплицитно выражено предпочтение молодых людей вступать в организацию балтийских партизан «Лесные братья». Непрямая передача конкретной информации доказывает факт укрепления в подсознании автора норм и ценностей того социума, в котором произошло становление его личности. К ним относятся осторожность и скрытность, присущие литовскому менталитету, и осознание возможной ответственности за оценку деятельности преступной организации, так как работа над мемуарами осуществлялась в советское время.

Если эпизод воспоминаний каким-либо образом связан с диалогом национальных культур, мнемонический повествователь так или иначе комментирует их ментальные различия и особенности. В следующем примере Б. Сруога описывает неодинаковые поведенческие реакции литовцев, поляков и немцев по отношению к одной и той же категории заключенных:

¹¹ Молодежь не боится наказания. Молодежь не идет в СС. Молодежь запекает: «Ты дремучий, ты зеленый...» Молодежь уходит в дремучий зеленый [лес].

*Lietuviškoji lagerio kolona išdavikų atžvilgiu laikėsi santūriai, nesimušdavo. Bet vos tik lenkai ar vokiečiai sužinodavo, kad išdavikas atėjo, jie jam atlygindavo savo iniciatyva – ir su dideliu pasitenkinimu*¹².

Как коммуникативная личность автор мемуаров организует диалог с адресатом, ориентируясь на реального читателя-современника, критически оценивающего воспринимаемую информацию. С одной стороны, как и в научно-историческом дискурсе, референциальная соотнесенность мнемонического текста с реальным миром предъявляет его автору требования, связанные с достоверностью изображаемого, поскольку читатель обладает «возможностью при желании установить относительную истинность прочитанного путем его сопоставления с другими источниками, тематически связанными с данным конкретным произведением» [3, с. 160]. С другой стороны, читателю мемуаров всегда интересна их личностная сторона, то есть суждения и эмоциональные впечатления автора от пережитых им событий. Поэтому главную роль в рецептивной программе мнемонического текста играют сигналы прагматического фокусирования, позволяющие акцентировать внимание читателя на наиболее значимом и ценном из жизни автора, а также средства словесной образности, эмоционального воздействия и другие художественные средства рецептивного управления, принятые в художественном дискурсе.

Ср.: *O šie paskubinti lavonai knygos buvo atžymėti inicialais S. B. Čia reikia skaityti, apsaugok viešpatie, ne Sruoga Balys, bet Sonder Behandlung, atseit, ypatingas apipavidalinimas*¹³.

Таким образом, когнитивно-речевые особенности автора мнемонического текста обусловлены тем, как он себя проявляет в качестве личности познающей, коммуникативной, дискурсивной и языковой. Специфика ретроспективно направленной ментально-когнитивной деятельности автора мемуаров и общность стратегий текстопорождения, зависящих от характера взаимодействия автора с миром своего прошлого и читателем, позволяют говорить о существовании мнемонического типа дискурса, занимающего промежуточное положение между художественным и научно-историческим, признаки которых проявляются в различном соотношении в зависимости от конкретной текстовой разновидности мемуарного жанра.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
2. Бондарева Л. М. Структура и функции субъекта речевой деятельности в текстах мемуарного типа : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1994.
3. Бондарева Л. М. «Поэзия и правда» в историографических текстах // Текст — Дискурс — Стиль : сб. науч. ст. СПб., 2004. С. 154–162.

¹² Литовские заключенные к предателям относились спокойно, не били их. А поляки и немцы, как только прознавали, что прибыл предатель, старательно колотили его — и с большим удовольствием.

¹³ А этим ускоренным трупам присваивались инициалы S. B. Читать их нужно, боже упаси, не Сруога Балис, а Sonder Behandlung, как бы особая обработка.

4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 2003.
5. Ладыгин Ю. А. К вопросу о дискурсивной личности автора художественного текста // Вестник ИГЛУ. Лингвистика дискурса-2. 2006. №11. С. 7–17.
6. Нюбина Л. М. Поэтика и прагматика мнемонического повествования : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2000.
7. Нюбина Л. М. Воспоминание и текст : монография. Смоленск, 2000.
8. Нюбина Л. М. Поэтика и прагматика мнемонического повествования : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Смоленск, 2000.
9. Остроумова А. В. Когнитивно-прагматические основы англоязычного мнемонического повествования: к вопросу об актуальности исследования // Studia linguistica XVI. Язык. Текст. Культура : сб. СПб., 2007. С. 183–187.
10. Пелевина Н. Н. Субъектно-речевая структура научного и художественного текстов: сходства и различия. Абакан, 2007.
11. Пелевина Н. Н. Авторские стратегии познавательного-коммуникативной деятельности как фактор текстообразования в научном и художественном дискурсах. Абакан, 2008.
12. Чернявская В. Е. Текст как интердискурсивное событие // Текст – Дискурс – Стилль : сб. науч. ст. СПб., 2004. С. 33–41.
13. *Sruoga, V. Dievų miškas*. URL: <http://antologija.lt/text/balys-sruoga-dievu-miskas> (дата обращения: 10.02.2012).

Об авторе

Светлана Геннадьевна Кузьмина — асп., Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Абакан.

E-mail: lietuvis@list.ru

About the author

Svetlana Kuzmina, PhD student, Katanov State University of Khakassia, Abakan.

E-mail: lietuvis@list.ru

УДК 811.161.1'373.2

А. А. Камалова

УМ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Материалом анализа послужили русские пословицы и поговорки, содержащие суждения об интеллектуальной деятельности. Паремнологические единицы описываются с использованием приемов фреймовой семантики. Интерпретация результатов исследования опирается на теорию эволюционной эпистемологии. Исследование позволяет сделать вывод об актуальности интеллектуальной деятельности для русского языкового сознания и о наличии наивной эпистемологии в рамках русской языковой картины мира.

This study focuses on Russian proverbs and sayings containing judgments relating to intellectual activities. Paremiological units are described using frame semantics methods. Research results are interpreted based on the